

и литературы почти бесконечен. Разумеется, уже тогда речь шла о чём-то большем, нежели о создании образа великого политика, явившегося для спасения нации в трудную минуту. Трагическая гибель Столыпина заставила умолкнуть часть несогласных с конкретными аспектами его политического курса. Так, один из критиков национальной политики премьера заявил: «Смерть Столыпина налагает печать и на наши уста: смерть искупает и не такие ошибки. Он был великий и великодушный человек. Такие министры редки: они делают эпоху в жизни государства»¹⁸.

Характерно, что революционным лагерьем было оперативно организовано чествование памяти казнённого Дмитрия Богрова — убийцы Столыпина¹⁹. Нельзя не отметить, что «революционный пантеон» — основа «освободительной версии» национальной памяти — формировался вокруг регулярных акций, связанных с чествованием памяти деятелей общественного движения — Николая Добролюбова, Виссариона Белинского, Дмитрия Писарева, Николая Шелгунова, Тараса Шевченко и иже с ними. В 1910 году прошли по крайней мере две подобных акции всероссийского масштаба — памяти одного из лидеров радикального либерализма, председателя I Государственной думы профессора Сергея Муромцева и лидера «духовной оппозиции режиму» Льва Толстого²⁰.

Сам же Столыпин органично вписывался в пантеон российских национальных героев, альтернативный революционному. Приведём в этой связи фрагмент одной из публикаций, посвящённых памяти Столыпина, вышедших в связи с 5-летием со дня его убийства в 1916 году: «Столыпин будет причислен в недалёком будущем к бесспорным величинам истории. А этим много сказано. Бесспорными, в их значении, я считаю Петра, Ломоносова, Суворова, Александра II, Менделеева. Спорными я вижу Александра I, Сперанского, Николая I, Плеве, Монасеина²¹, Льва Толстого»²².

«ЗАБЫТЫЙ ИСПОЛИН»?

Революционные события 1917 года поставили на повестку задачу создания нового мемориального континуума, новых представлений об истории, движение которой своим закономерным итогом должно было иметь мировую революцию. В обновлённом порядке памяти не было места героям старой России от Александра Невского до Скобелева, от Ушакова до Витте²³. В научной и публи-

П. А. Столыпин на закладке памятника погибшим 12 августа 1906 года при взрыве его министерской дачи на Аптекарском острове. 12 августа 1907 г.

цистической литературе 1990–2000-х годов порой высказывались мнения о том, что Столыпин был «забыт»²⁴. Между тем Пётр Аркадьевич забыт не был: парадоксально, но память о нём поддерживалась в рамках того самого образа, который он сам создавал при жизни, — слуги и защитника царского режима. Показательно в этой связи, что частичная реабилитация русских национальных героев в сталинскую эпоху Столыпина не затронула. Напротив, в «Кратком курсе» 1938 года образ, созданный Лениным ещё до революции, нашёл своё логическое завершение: «Царский министр Столыпин развёртывал свою кровавую расправу над рабочими и крестьянами. Тысячи революционных рабочих и крестьян были расстреляны карательными экспедициями и повешены. В царских застенках мучили и пытали революционеров... Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал всюду. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров. Виселицу в то время называли «стольпинским галстуком»... Царское правительство выдавало кулакам значительные ссуды для покупки земли и устройства хуторов. Из кулаков Столыпин хотел сделать маленьких по-

мещиков, верных защитников царского самодержавия. Всего за девять лет (с 1906 по 1915 год) из общины выделилось свыше двух миллионов домохозяев. Столыпинщина ещё более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Расслоение крестьянства усилилось. Начались столкновения крестьян с кулаками-хуторянами... Годы стольпинской реакции особенно отличались разбойничьими набегами жандармов и полицейских, царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс... Большевики готовы были примириться со стольпинским режимом, приспособиться к нему. Поэтому ликвидаторов называли ещё «стольпинской рабочей партией»... Торжество стольпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Стала исчезать усталость рабочих, навевная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу»²⁵.

В этом контексте Столыпин, «стольпинская реакция», «стольпинские репрессии» прочно вошли в школьные и вузовские тексты. Примечательно, что основным концептом всё же стали не эти формулы, а «стольпинская аграрная реформа», которая рассматривалась в школьных программах и учебниках наиболее подробно как вы-